

«На высокой колонне над городом стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на ручонке его шпаги».

Старая сказка Уайльда — из самых хрестоматийных, самых любимых русским читателем когда-то... Но пожелтели все хрестоматии — от «розовых библиотек» 1900-х годов до крепко проклеенного детлитовского сборника «По дорогам сказки» с праздничным пайком добродетелей первой необходимости.

...Занавес открыт. Стальной решетчатый истукан склепан из арматурных прутьев. Золотая маска — венецианская, карнавальная — закрывает лицо Статуи. Дворник в ватнике равнодушно скребет сухой метлой по золотым подглазьям... Исполнина мечом сталинградских масштабов отбесит народ.

— Принц покрыт сверху донизу листочками чистого золота! — кричит усталая тетка. Экскурсанты штурмуют решетчатые плечи Памятника, принимая к культурному наследию, облепив его и облив. Бродячий фотограф снимает их.

Кепки, драные куртки, мятые шляпки, драп, каракуль, худая болонья, битые очки, некрасота и угрюмость лиц. Возгласы: «Рыбонька!», «Шоб вы так жили...». То ли Берлин 1920-х с рисунка Г. Гросса. То ли сущее до предела неблагообразие наших мест.

Из-за решетки, из-за золотой маски на толпу смотрит Душа Счастливого Принца (Оксана Лагутина). Принц провел жизнь во дворце, отделенном от мира стеной.

— И вот теперь, когда я уже не живой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

Легкомысленная Ласточка (Арина Нестерова) садится на плечо Статуи. Светский блеск золотого профиля слепит ее. Любопытство переходит в жалость. Ласточка остается с Принцем.

Птичка — здешняя. Она похожа на потрепанную жизнью хористку в ядовито-розовом боа. Ее рассказы о царских гробницах и нефритовых ожерельях Египта напоминают не о нарядной сказке Уайльда, а о горячей путевке в Хургалу. Но Принц просит ее отнести рубин из рукоятки шпаги бедной женщине, вышивающей чье-то балльное платье на чердаке:

— Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсин. А у матери нет ничего, только речная вода.

Из-за стальной решетки Монумена, из затменного поднебесья сцены с ломовой логикой милосердия смотрит юноша в черном сюртуке. Его слезы — безусловный рефлекс, кровь и живая вода классической культуры:

— Ласточка, маленькая Ласточка! Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна. ...Мать и мальчик в спектакле ужасны.

Как и все, кому Счастливый Принц отдает свои сапфировые глаза, ключья золотой кожи. В конце ободренные горожане штурмуют Статую. Кривыми рогами демонтируют венецианскую маску прекрасного мертвого лица. Ласточка и ослепший Принц погибнут. Памятник, потерявший блеск, будет убран с площади. Как заметил сам же Уайльд:

— Художник — не моралист. Подобная склонность художника рождает неприметную манерность стиля.

Манерности в спектакле нет. Но ассоциации зрителя двоятся. Тем более, что для самого режиссера важны оказались совершенно иные смыслы текста.

«Счастливый Принц» для Камы Гинкаса — притча о любви.

— Кама Миронович, какую лично ваших спектаклей продолжает «Счастливый Принц»?

— Дело в том, мне кажется, что жизнь — это испытание.

Человек проходит этот экзамен, как умеет. И самое распространенное и самое сложное испытание в жизни — именно испытание любовью.

Спектакль вообще о Ласточке... С ней уже случались разные личные крушения, она увлеклась кем ни попадя, всякими случайными Тростниками, жила какими-то африканскими миражами, стремилась в сказочный Египет. Но, как выяснилось, все это была не любовь.

И вот... эта вот птичка... вдруг влюбляется в Глаза, сапфировые мертвые глаза Статуи, в оловянное, но живое, быющее сердце.

Кама ГИНКАС:

**ТОЛЬКО
НАСТОЯЩИЙ ПРИНЦ —
СЛУГА НАРОДА**

Режиссер — Кама Гинкас, сценография — Сергея Бархина

И ради него готова делать все что угодно, при этом не понимая, не только зачем е й это нужно, но и зачем это нужно е м у! ...Зачем она должна, плача, выковыривать его сапфировые глаза, отдавать их каким-то Бедным Поэтам, каким-то Девочкам со Спичками. Причем именно э т и м Поэтам и э т и м Девочкам, которые явно не стоят того.

Она не в состоянии постичь: почему этот чудный Принц с холодными сапфировыми глазами чувствует вину перед людьми? Он что, не видит их самодовольной мелочности и вульгарности? Но она не знает, что с интеллигентными Принцами это случается...

Они, хоть и запоздало (даже после смерти), могут почувствовать неизбытную вину перед своим, так сказать, народом (пишите в кавычках!), перед, так сказать, человечеством (тоже в кавычках)! Вы знаете, это бывает... Ласточки обычно не только не понимают, но и категорически с какой-то птичьей (или женской) остревелостью не дают Принцам совершать эти сумасбродные, самобийственные поступки.

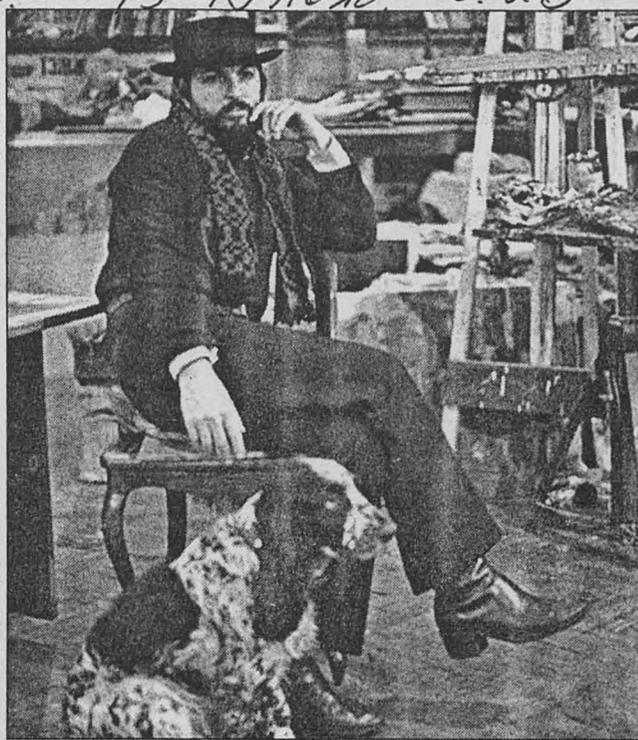
Но Принцу почему-то это нужно — и она это делает. Потому что любит его.

А так как Принц готов жертвовать собою, то ему кажется естественным жертвовать и близкими. И он довольно спокойно жертвует Ласточкой. Это случает-

ся: когда мы посвящаем себя чему-то — Родине, Человечеству, Высокому Искусству (или какой-нибудь Системе Станиславского) — и жертвуем собою, то нам кажется естественным, что ближние должны спорать вместе с нами на этом костре самопожертвования. С искрами и треском.

Жертвованы обязательно должны быть и жена, и лошадь, и все остальное куриное хозяйство... И пусть попробуют сопротивляться! Я же жертвую собой!

Благородные порывы (и даже деяния) Принца, несомненно, эгоистичны. Но неожиданно его оловянное сердце разорва-

**В Московском ТЮЗе
Кама Гинкас
поставил сказку
О. Уайльда
«Счастливый Принц»**

отговорок и даже причин не делать этого), — важна твоя способность к нему. Эта способность и делает тебя человеком.

— После ваших работ на малой сцене, после пластической точности «Черного Монаха» и спектакля «Пушкин. Дуэль. Смерть», где черно-белые мизансцены соразмерны, как вывески в журнале «Аполлон» за 1911 год, ждали спектакля столь же камерного, пластически замкнутого, как камень. Но сказка Уайльда поставлена вами на большой сцене МТЮЗа. Кажется: пространство съезжает жест...

— Возможно. Но эта интимная история рассказана автором между небом и землей. И мне казалось, должна быть поставлена на большой сцене.

В ней все-таки действует Город, действует Принц, который возвышается над Городом, существует Ласточка, которая летает по небу. Для этой сказки требуется пространство.

— По зрительскому ощущению в «Черном Монахе» ткань спектакля плотнее. Но в «Счастливом Принце» цепенеешь, когда Ласточка, висят над сценой на цирковой лонже, выламывает сапфировый глаз из золотого лика маски. Когда алый шелковый лоскут кровянистой слезой выпадает из пустой глазницы... Когда ослепший Принц спускается по лесенке на ошупь, почти ползет... и Ласточка баюкает его и вдруг поет хриплым голосом русскую деревенскую колыбельную.

— Ласточку играет потрясающая актриса Арина Нестерова. Она обладает самым современным и самым редким амплуа. Нестерова — гротесково-трагическая актриса. С трагическим темпераментом и парадоксальными проявлениями этого трагизма.

Оксана Лагутина, Принц, когда-то замечательно играла Сашеньку в «Иванове и других» Генриетты Яновской. И вот здесь, мне кажется, она еще ярче продемонстрировала свой новый уровень. Тогда это была начинающая актриса, а теперь — опытная и сильная.

Все остальные — талантливая молодежь. Она и создает этот странный жанр, состоящий из заплата — сказочных заплата, мелодраматических заплата, религиозных, капустнических... мюзикольных заплата, философских заплата, опереточных заплата и подлинно трагических... не знаю... и Достоевских заплата!

— Кажется, «Счастливый Принц» связан генетически с «К.И. из «Преступления» и «Русской почтой». С теми вашими спектаклями, где есть жертва, погибающая с хриплым криком, где на сцене работают с открытым огнем социального сострадания.

...Есть момент в этом спектакле: уже почти все золото ободрано, роздано. Принц на высоте, кричит грозно и беспомощно: «Листок за листком раздавала она (Ласточка. — Е. Д.) его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начали смеяться, и...» Зритель вздрагивает. Из всех премудростей мира мы сделали наименее чувствительны к этой. Как вы полагаете, почему «рефлексы прекрасноты» у «мыслящей России» исчезли не после настоящей нищеты и лихолетья 1920—1930-х, а именно теперь?

— Не знаю. Возможно, потому, что многие благие порывы обратились в наглое вранье и были использованы своекорыстно, жестоко и цинично.

— Но «русские Принцы» свое получили сразу после 1917-го. А Принц в вашем спектакле — почти символ «старой культуры»: раздав золото и яхонты, она «в образе оборвыша» замерзает над Городом... И над каким! Новая, необуржуазная Москва в прагматизме бессмысленна и беспощадна, как в бунте...

— Прагматизм как способ жизни резко вторгся в «просторы России». Вместе с естественной попыткой быть свободными, богатыми и жить целесообразно, а не абсурдно... Резкость этого вторжения тем более ощущается, что входит в противоречие с нашим тысячелетним менталитетом, с прекраснотушеством и разгибательством. Мы, хоть редко, жили по заповедям, все-таки знали, что они есть... И «вечные ценности» все-таки были в цене. Поэтому больно, когда неожиданно резко меняются люди. Когда те, кого давно и хорошо знаешь, вдруг говорят: «Все эти трогательные вещи про вечные ценности... Да, конечно. Но ясно же, что все это, в общем-то, тухлятина...»

Это странно слышать от людей, которые четыре-пять лет назад не могли прийти в себя после спектакля «К.И.», где ценности — те же и речь идет о том же. И людям этим особо не с чего было меняться... Но прагматизм, целесообразность, логика теперь диктуют другое.

Я очень надеюсь, что в России бесчеловечный прагматизм никогда не привьется. Хотя я одновременно очень надеюсь, что некая деловитость к нам придет. И хоть какая-то логика заменит абсурд как принцип нашего существования...

— Кама Миронович, ваш «Счастливый Принц», кажется, безысходен. Вы сохранили весь текст сказки (многие сцены неожиданно, пародийно переиграны)... Но последние строки? У Уайльда Всевышний послал Ангела на землю за самым ценным, что есть в Городе Принца. «И принес Ему Ангел оловянное сердце и мертвую птичку».

У вас — погибшая Ласточка и Душа Принца повисают на высоте, на широких лонжах, бездыханные, протягивая друг другу руки.

Когда актрисы шли на поклонны на премьеру, они были так взволнованы, что забыли о лонжах. Так и выходили к рампе на поводках стальных тросов. Только на третьих поклонах им помогли отстегнуть крепления за спиной...

Но все же какой горький финал! Почему вы изменили эпилог?

— Тут есть две причины... Первая: я не люблю, когда театр настойчиво и назидательно умилен. В спектакле и так все сказано. Мол, эти двое, Принц и Ласточка, стоят чего-то. А остальные — стоят скорее сожаления... Мне кажется, что там все это уже есть.

И еще... Вопросы веры — чрезвычайно деликатны. Мне кажется, что театр бесстыден, когда показывает много-много обнаженных тел, но он еще более бесстыден, когда пользуется тем, что попользовать — святотатство...

Хотя многие мои близкие люди сожалеют, что финал изменен.

...Полутьма. Стальные прутья. Золотой блеск. Одиная, угрюмая красота упадка. Но больше едкой печали. Ноябрьский ветер обнажил Город. Телогрейки и черный драп — защитная одежда накануне зимы.

Дворник скребет метлой площадь. Тени Места в коверковом пальто с худым брезентовым вешмешком в руках всходит на золоченый наплечник Статуи. Рассыпает оранжевые бумажные прямоугольнички осенних листьев и белые квадратички снега. Они кружатся в воздухе, напоминая о сезонках подмосковной электрички, квитанциях за свет... О хлебных карточках, о «33-м купоне на гроб» образца 1918 г.

Что с нас спросить после всего этого?

Но и вечерняя Тверская улица за стенами МТЮЗа кажется фоном спектакля: синий, алый, золотой блеск над темной человеческой толпой, роскошь и нищета, дикость и естественность их соседства... Торгуют орхидеями, котятками, «колесами». Иннокентием Анненским, чебуреками, протягивают руку за милостыней, выбирают прет-а-порте от Трусарди. У стен Английского клуба экспонируют пушку, палившую по Кремлю в октябре 1917-го.

И вертикаль Памятника А.С.П. с вопиюще прекраснотушеством «Памятником» А.С.П. на постаменте держит пейзаж.

...Кажется, всех персонажей сказки Уайльда можно встретить нынче вечером на Тверской, кроме погруженного в свою пьесу Бедного Поэта. Все то «золото припало, /оно порохом запало, // призаиндевели, // призаплесневели...» (как сказано еще в одной русской деревенской песне). Той культуре пришел исторически обусловленный конец.

И верить ли крику Ласточки в ключевой сцене спектакля:

— Милый Принц, я не могу отстать, но я никогда не забуду тебя! И когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал...

Конечно, о каких-то будущих сказках кричит она.

...Не то чтобы спектакль вещает и возглашает на площадях о некоем будущем возвращении «гуманистической культуры».

Но напоминают о естественном круговороте холода и тепла.